

УДК 343.847

DOI 10.33463/1999-9917.2020.28(1-4).2.231-236

ИРИНА НИКОЛАЕВНА СМИРНОВА,

доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры организации режима
и оперативно-розыскной деятельности в УИС,
Псковский филиал Академии ФСИН России,
г. Псков, Российская Федерация,
e-mail: irina_smi69@mail.ru;

ЛЮДМИЛА ЮРЬЕВНА БУДАНОВА,

кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры организации режима
и оперативно-розыскной деятельности в УИС,
Псковский филиал Академии ФСИН России,
г. Псков, Российская Федерация,
e-mail: milabudanovapskov@mail.ru;

ВЯЧЕСЛАВ БОРИСОВИЧ ШАБАНОВ,

доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой криминалистики,
Белорусский государственный университет,
г. Минск, Республика Беларусь,
e-mail: lawcrim@bsu.by

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ИНСПЕКЦИЙ В СФЕРЕ ИСПОЛНЕНИЯ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ

Для цитирования

Смирнова, И. Н. Организационно-правовое обеспечение правоохранительной деятельности уголовно-исполнительных инспекций в сфере исполнения мер пресечения / И. Н. Смирнова, Л. Ю. Буданова, В. Б. Шабанов // Человек: преступление и наказание. – 2020. – Т. 28(1–4), № 2. – С. 231–236. – DOI : 10.33463/1999-9917.2020.28(1-4).2.231-236.

Аннотация. В статье на основе анализа действующего законодательства рассматриваются отдельные вопросы избрания и применения мер пресечения в виде домашнего ареста и запрета определенных действий к подозреваемым или обвиняемым. Обосновываются особенности зачета срока меры пресечения в срок наказания, осуществляется разграничение домашнего ареста и запрета определенных действий. Раскрывается роль службы обработки данных системы

© Смирнова И. Н., Буданова Л. Ю., Шабанов В. Б., 2020

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

электронного мониторинга подконтрольных лиц в предотвращении их попыток уклониться от контроля уголовно-исполнительной инспекции и скрыться от органов дознания, следствия и суда, а также в оперативном реагировании на выявляемые нарушения. Рассматриваются выявленные в процессе проведения исследования и анализа официальных данных возникающие в указанной сфере деятельности уголовно-исполнительной инспекции организационно-правовые проблемы.

Ключевые слова: меры пресечения, домашний арест, запрет определенных действий, уголовно-исполнительная инспекция, частичная изоляция лица, полная изоляция лица, организационно-правовое обеспечение функционирования уголовно-исполнительных инспекций, система электронного мониторинга подконтрольных лиц.

В современных условиях уголовная политика Российского государства акцентирует внимание на усилении борьбы с тяжкими и особо тяжкими преступлениями при одновременном смягчении уголовной ответственности за преступления небольшой и средней тяжести. Концептуальными положениями развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации определяется активное применение альтернативных лишению свободы видов наказания [1, с. 297–304], что подтверждается и данными официальной статистики, в соответствии с которыми в 2018 г. по учетам уголовно-исполнительных инспекций (УИИ) прошло более миллиона человек, что на 45 тыс. больше показателя предыдущего года (обзор ФСИН России об итогах деятельности уголовно-исполнительных инспекций в 2018 г.).

Происходящие изменения на практике обусловили также необходимость реформирования уголовно-процессуального закона в области применяемых к подозреваемым или обвиняемым мер пресечения, альтернативных заключению под стражу, что привело к увеличению количества подучетных лиц в уголовно-исполнительных инспекциях, в частности, за счет того, что на них был возложен контроль за нахождением подозреваемого или обвиняемого в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением им наложенных судом запретов и (или) ограничений, залога и запрета определенных действий (федеральные законы от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации», от 18 апреля 2018 г. № 72-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста»).

Избрание судами подозреваемым или обвиняемым меры пресечения в виде заключения под стражу в последние годы неуклонно снижается. Так, за 1-е полугодие 2019 г. судами избрана мера пресечения в виде заключения под стражу в отношении 47 951 подозреваемого или обвиняемого, а в 1-м полугодии 2018 г. – в отношении 51 811 (данные Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL : <http://www.cdep.ru>), причем в 2018 г. по учетам уголовно-исполнительных инспекций прошло 22 417 подозреваемых (обвиняемых), в отношении которых избрана мера пресечения в виде домашнего ареста, 944 подозреваемых (обвиняемых), в отношении которых избрана мера пресечения в виде запрета определенных действий, и 21 – в виде залога (обзор ФСИН России о результатах анализа применения в деятельности УИИ оборудования СЭМПЛ при

осуществлении надзора и контроля за осужденными к ограничению свободы и лицами, находящимися под домашним арестом).

Приведенные данные свидетельствуют о применении меры пресечения в виде запрета определенных действий по отношению к лицу без полной его изоляции от общества, что ранее обеспечивалось избранием меры пресечения в виде домашнего ареста с частичной изоляцией лица и стало невозможным при нынешней редакции ст. 107 УПК РФ.

Федеральный закон от 18 апреля 2018 г. № 72-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста» существенно изменил применение ранее действовавших мер пресечения и ввел в действие новую меру пресечения, таким образом, подходы к избранию судом мер пресечения, а также их определение подверглось пересмотру законодателем. Так, если ранее мера пресечения в виде домашнего ареста предполагала полную или частичную изоляцию лица от общества в пределах жилого помещения, то в настоящей редакции нормы законодатель предусматривает только полную изоляцию, так же как и ранее с доставкой лица на следственные или процессуальные действия на транспорте уголовно-исполнительной инспекции.

В свою очередь, запрет определенных действий предполагает частичную изоляцию в пределах определенного жилого помещения, так как на подозреваемого или обвиняемого может быть наложен запрет выходить в определенные периоды времени за пределы жилого помещения, в котором он проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях [2, с. 49]. При этом законными основаниями проживания в жилом помещении в практической деятельности признается и найм помещения без соответствующей регистрации такого договора в регистрационной палате, а также совместное проживание с сожителями без соответствующей регистрации в помещении, то есть фактическое представление.

Согласно ч. 1 ст. 107 УПК РФ домашний арест заключается в нахождении подозреваемого или обвиняемого в изоляции от общества в жилом помещении, а согласно п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ суд может возложить на подозреваемого или обвиняемого запрет выходить в определенные периоды времени за пределы жилого помещения. При этом промежуток периода времени, в который подозреваемому или обвиняемому запрещено выходить за пределы жилого помещения, не установлен, то есть суд может ограничиваться несколькими часами, что по факту будет являться частичной изоляцией.

Таким образом, целесообразно законодательно установить, что понимается в уголовно-процессуальном законе под изоляцией лица от общества полной или частичной, а также регламентировать понятие запрета и ограничения права покидать жилое помещение и их отличие от изоляции.

Использование стационарных средств контроля также разрешено в таких помещениях по аналогии с домашним арестом, однако в практической деятельности лица, проживающие совместно с подозреваемым или обвиняемым, которому избрана мера пресечения в виде домашнего ареста или запрета определенных действий, заявляют о нежелании подключать в помещении такие устройства и ссылаются на возросшую оплату электроэнергии за их использование.

Кроме того, частичная, а не полная изоляция подозреваемого или обвиняемого обуславливает возможность применения запрета определенных действий на максимальный срок, больший относительно домашнего ареста (в отношении подозреваемых, обвиняемых в особо тяжких преступлениях – до 36 месяцев). Кроме того, в уголовно-

процессуальном законе не установлен порядок зачета меры пресечения в виде запрета определенных действий в итоговый срок наказания, что приводит к отсутствию единого подхода к исчислению сроков наказания при зачете мер пресечения [3, с. 22], а также к применению частичной изоляции лица, полностью схожей с домашним арестом в редакции ст. 107 УПК РФ, до принятия Федерального закона от 18 апреля 2018 г. № 72-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста», без зачета в срок отбывания наказания.

Представляется целесообразным при установлении частичной изоляции от общества в виде запрета покидать жилое помещение в определенное время законодательно установить зачет такого времени в срок наказания по аналогии с домашним арестом, а при запретах, касающихся только воздержания от определенных действий, то есть деятельности, например управлять транспортным средством, зачета не производить.

Тем самым мера пресечения в виде запрета определенных действий представляет собой частично домашний арест до внесения указанных выше изменений федеральным законодательством, а частично – уголовное наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, может применяться к более широкому кругу подозреваемых или обвиняемых и позволяет без зачета ее срока в наказание и доставки лица за счет бюджетных средств добиться схожих условий изоляции с домашним арестом.

Следует отметить существующую проблематику в конструкции нормы ст. 105.1 УПК РФ относительно возможности применения сразу нескольких мер пресечения, так как к подозреваемому или обвиняемому, которому избран домашний арест или залог, может быть применен один или несколько запретов, предусмотренных ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, что противоречит ст. 97 УПК РФ об избрании в отношении указанных лиц только одной меры пресечения [4, с. 118].

Что касается организационно-правового обеспечения деятельности уголовно-исполнительных инспекций, то в последние годы большое внимание уделяется его совершенствованию, не меньшее значение в рамках обеспечения эффективности возложенных на них задач придается укреплению их материально-технической базы, внедрению в работу новых форм и методов, что позволит добиться снижения уровня повторной преступности подучетных лиц. Относительно осуществления контроля за соблюдением подозреваемым или обвиняемым запретов определенных действий следует отметить, что у уголовно-исполнительных инспекций отсутствует инструкция по применению, в практической деятельности такой контроль и документационное обеспечение осуществляются по аналогии с домашним арестом, несмотря на норму, содержащуюся в ч. 11 ст. 105.1 УПК РФ, согласно которой «порядок осуществления такого контроля определяется нормативными правовыми актами, утверждаемыми федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере исполнения уголовных наказаний, совместно со Следственным комитетом Российской Федерации и федеральными органами исполнительной власти, в состав которых входят органы предварительного следствия, по согласованию с Генеральной прокуратурой Российской Федерации».

Таким образом, отсутствие инструкций у уголовно-исполнительной инспекции по контролю за соблюдением подозреваемым или обвиняемым запретов определенных действий и применение аналогии с контролем за нахождением подозреваемого или

обвиняемого в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста может фактически «заменить» домашний арест, так как это позволит подозреваемым или обвиняемым, страдающим определенными заболеваниями, посещать медицинские учреждения, самостоятельно являться по вызову следователя, дознавателя или в суд. При этом можно достичь необходимой степени изоляции лица в пределах жилого помещения, а также применить к подозреваемому или обвиняемому больший круг обязательств, чем домашний арест [5, с. 167].

В настоящее время в практической деятельности продолжают возникать проблемы и в рамках реализации уголовно-исполнительной инспекцией задач по контролю за нахождением подозреваемого или обвиняемого в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста [3, с. 20].

Так, доставка подозреваемого или обвиняемого на следственные и процессуальные действия должна обеспечиваться сотрудником уголовно-исполнительной инспекции и на ее автотранспорте, что на практике сопряжено с определенными трудностями.

Кроме того, практические работники отмечают, что доставка подозреваемых или обвиняемых, которым избран домашний арест, соотносима с бесплатным «государственным такси» и существенно затрудняет деятельность УИИ, особенно в случае неисправности транспортного средства. При этом возложение обязанности на подозреваемого или обвиняемого самостоятельно являться на следственные действия не представляется возможным, поскольку ст. 107 УПК РФ определяет домашний арест как нахождение подозреваемого или обвиняемого в изоляции от общества в жилом помещении, тем самым самостоятельное следование к месту проведения следственных действий не обеспечит такую изоляцию.

Необходимо, однако, отметить, что нарушение условий меры пресечения в виде домашнего ареста подозреваемым или обвиняемым не всегда является основанием для его замены судом на заключение под стражу. Так, суды, помимо допущенных нарушений, учитывают состояние здоровья подозреваемого или обвиняемого, а также его явку на следственные или судебные действия и указывают на отсутствие оснований для замены домашнего ареста на заключение под стражу ввиду состояния здоровья, тем самым УИИ не имеет должных действенных мер воздействия на подозреваемых или обвиняемых, поскольку указанная деятельность по контролю за нахождением подозреваемого или обвиняемого в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста не свойственна уголовно-исполнительным инспекциям.

Представляется целесообразным расширить взаимодействие уголовно-исполнительных инспекций и органов внутренних дел и предусмотреть соответствующий показатель их совместной деятельности по исследуемому направлению деятельности.

Большое значение в эффективности деятельности УИИ в сфере контроля и надзора за лицами, в отношении которых избраны меры пресечения, имеет применение оборудования системы электронного мониторинга подконтрольных лиц. Это обусловлено тем, что использование электронных средств надзора и контроля в отношении подконтрольных лиц указанных категорий является сдерживающим фактором от совершения ими повторных преступлений, иных правонарушений, невыполнения условий исполнения меры пресечения (обзор ФСИН России о результатах анализа применения в деятельности УИИ оборудования СЭМПЛ при осуществлении надзора и контроля за осужденными к ограничению свободы и лицами, находящимися под домашним арестом).

В заключение необходимо отметить, что в настоящее время в территориальных органах ФСИН России созданы службы обработки данных системы электронного монито-

ринга подконтрольных лиц, в обязанности сотрудников которых входит осуществление постоянного мониторинга поступающих сообщений о нарушениях подконтрольными лицами и снятие тревожных сообщений после соответствующих проверок по выявленным нарушениям. Это направлено на предотвращение попыток уклониться от контроля уголовно-исполнительной инспекции и скрыться от органов дознания, следствия и суда, оперативного реагирования на выявляемые нарушения [6, с. 5–6].

Однако, согласно официальным данным ФСИН России и результатам проведенного исследования, на практике выявляются факты ненадлежащего ведения журнала учета нарушений, допущенных подконтрольными лицами, неисправностей, отказов или сбоев в работе оборудования системы электронного мониторинга подконтрольных лиц. Кроме того, имеются факты снятия тревожных сообщений системы электронного мониторинга подконтрольных лиц сотрудниками службы обработки данных без осуществления необходимых проверок и оснований; сообщения о нарушениях расписания присутствия подконтрольного лица в месте исполнения меры пресечения более 15 минут необоснованно снимаются «техническим сбоем»; отсутствует контроль службы обработки данных за разрешенным временем прогулок подконтрольных лиц.

Изложенное еще раз подтверждает необходимость дополнительной проработки вопросов организационно-правового обеспечения в сфере исполнения мер пресечения с целью эффективной реализации поставленных перед уголовно-исполнительными инспекциями задач в рассматриваемом направлении деятельности.

Библиографический список

1. Смирнова И. Н. Некоторые аспекты функционирования специализированных государственных органов в сфере исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества // IV Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» (к 140-летию уголовно-исполнительной системы России и 85-летию Академии ФСИН России) : сб. тез. выступ. и докл. участников (г. Рязань, 20–22 нояб. 2019 г.) : в 10 т. Рязань, 2019. Т. 3 : Материалы международных научно-практических конференций и круглых столов. С. 297–304.
2. Орлов А. Е. Актуальные проблемы реализации домашнего ареста в свете введения меры пресечения в виде запрета определенных действий // Вестник Самарского юридического института ФСИН России. 2018. № 5(31). С. 48–51.
3. Петровских А. С., Смахтин Е. В. Запрет определенных действий: толкование и проблемы применения // Российское право: образование, практика, наука. 2018. № 4. С. 19–25.
4. Николаева М. И. Новая мера пресечения «запрет определенных действий» в уголовном процессе России // Вестник Владимирского юридического института. 2018. № 2. С. 117–123.
5. Новикова Е. А., Черкасова Е. А., Лакеева Е. В. Запрет определенных действий как мера пресечения в уголовном процессе // Социальные и политические науки. 2018. № 3. С. 165–167.
6. Честно и добросовестно служить Закону и народу! (интервью с начальником УОИНИО ФСИН России Е. А. Коробковой) // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2019. № 5. С. 3–14.